УДАР ИМПЕРИИ

О трансляции смыслов и скорости войны

НАША ВОЙНА с Западом на территории Юго-Западной Руси имеет одну характерную черту: различие в тайминге — в скорости действий, акций и реакций, принятия решений.

С одной стороны, очевидно, что в большинстве случаев враг действует быстрее нас. Оперативнее ориентируется, смело внедряет продвинутые технологии сетевых войн. Сращивает информационные стратегии с системой терактов, показательных зверств, атакует в неожиданных местах, проводит операции малыми ДРГ в стиле DDoS-атак, стремительно использует постановочные сцены и оперативно вбрасывает их в западную медиасферу. Свои теракты враг выдаёт за "блестяще проведённые операции". Неудачи ловко маскирует. Жертв представляет "агрессорами".

На всё это мы отвечаем с явной задержкой. Далеко не так быстро, оперативно, слаженно. Да, мы ведём фронтальную и массивную контрпропаганду, но нацелена она практически исключительно на внутрироссийскую аудиторию (что, кстати, тоже очень-очень важно, поскольку в начале войны общество к ней было совершенно не готово).

У нас практически отсутствует трансляция каких бы то ни было смыслов и векторов на Украину. Что мы делаем на этой земле, внятно до украинцев мы донести не можем и, кажется, не собираемся, оставляя огромную территорию психологической войны противнику.

Тут можно было бы сказать только одно. Мы — Империя, и мы считаем вас тоже своей составной частью, мятежной провинцией. А вы предали нас в пользу иной "империи", "империи зла", сатанинской западной цивилизации. Идёт Четвёртая пуническая война. Мы — Рим, а вы перешли на сторону Карфагена. Вот почему мы здесь, и вот почему мы движемся к западным границам — нашей (общей с вами) Империи.

Это надо было сказать уже давно, быстро и эффективно. А потом найти способ донести до каждого украинца. И пусть выбирает. А ведь кто-то точно сделал бы выбор в нашу пользу. И не только по инерции, из-за советского прошлого или русскоязычия. По более основательным и веским соображениям.

Перед Западом мы почему-то по-прежнему оправдываемся и жалуемся на двойные стандарты. А там мнения относительно войны разделились, и половина западного мира на нашей стороне. Да, элиты против нас и единодушны в этом. А вот общества западных стран — совсем нет. Мы что-то сделали в этом направлении за полтора года? Мы обратились через голову глобалистских атлантистских элит к народам Европы и Америки? Нет. Мы продолжаем — видимо, по инерции — занудное препирательство с теми, кто нас не видит, не слышит и знать не хочет, пока мы живы, пока мы свободны, пока мы — Россия. Так давайте же поможем народам Запада свергнуть эти прогнившие коррупционные либерально-глобалистские режимы.

Коллективному не-Западу мы также предлагаем самому догадаться, что́ мы делаем, зачем и ради чего. Никакого внятного послания мы ни Китаю, ни исламскому миру, ни Индии, ни Африке, ни Латинской Америке так и не послали. Единственным исключением является фундаментальная идея многополярности, где действительно есть смыслы, и они предельно глубоки. Но, обозначив этот важнейший вектор, мы его никак не возделываем, не развиваем, не насыщаем содержаниями, не развёртываем структуры.

Отстаём мы также технологически. И снова вопрос: а где мы были раньше? Как готовились к войне? Где наши БПЛА и новейшие разработки? Где практические навыки ведения сетевой войны, чьи стратегии уже с начала 90-х годов XX века доминируют в Пентагоне и странах НАТО? Да, сейчас нагоняем и в государстве, и в МО, и прежде всего в героическом порыве волонтёров.

ПЕРВЫЙ ВЫВОД: то, что мы опаздываем, это плохо, но не фатально. Главное — решительность в построении Империи. И это определит исход. А не тайминг.

Но стоит обратить внимание и на другое: как удачно мы начали СВО. Неожиданно, с опережением, стремительно, дерзко. Раз! И четыре огромные области, стратегически значимые для Империи (помимо ранее возвратившегося на Родину Крыма), освобождены. Молниеносно. И тут мы не ждали и не тянули. Жаль, что пришлось уйти из Сум, Чернигова, Харьковщины и из-под Киева, оставить даже русский город Херсон. В этом позднее мы разберёмся. Где-то был совершён принципиальный просчёт. Но… действуя с максимальной скоростью, мы очень много чего добились. Очень. И это наш основной плацдарм сегодня. Надёжный и укреплённый. Где-то был просчёт, но сама изначальная сверхбыстрая операция была успехом. Огромным.

Второй вывод: в некоторых случаях и Империя должна совершать неожиданный, молниеносный и неотразимый бросок. Так осуществляет прыжок тигр. Не болезненный укус крысы, а безупречно выверенный смертельный удар большого и гордого зверя. Жестокий удар Империи.

Александр ДУГИН

ВОПРОСЫ СТАЛИНИЗМА

Выступления участников конференции «Вождь и народ». Часть двенадцатая

Россия — страна, обладающая необыкновенной живучестью и потенциалом развития практически в любых условиях. Попадая в жёсткий плен тех или иных концепций, догматов, идеологий, схем и моделей бытия, политических группировок, кланов, враждебного окружения и прочего, она сохраняет в своём организме источники противоречий, способных к пробуждению, к толчку для очередного витка развития. На каждом этапе возникают свои — как "прогрессивные", так и "реакционные" — факторы, процессы и субъекты истории. Движение — а с ним и существование народа и государства — продолжается. Хотя порой и с трагическими потерями, упущенными возможностями.

СТРОИТЕЛЬСТВО КАПИТАЛИЗМА В ОДНОЙ ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ СТРАНЕ

Советский Союз, распавшись, породил 15 антисоветских государств. Все они вскоре после своего появления на свет "вышли на панель", предложив себя в качестве чего-нибудь, что сгодится "мировому сообществу". Столь же оперативно в 14 из них была запущена одна и та же модель консолидации гражданского общества: "Нас угнетали, мы боролись и победили". Недолгое время в роли угнетателя побыл "тоталитарный советский режим", но вскоре он по факту был заменён просто "русскими". В России эта модель внедрялась не столь прямолинейно: трудно было перевести стрелку на русских (более 80% населения страны) и включить этнический компонент. Переведёшь — и очевидное станет опасным: пришедшие к власти должны будут признать себя нерусскими. Недостаточно эффективно было и в качестве общего консолидирующего ужаса полагаться на "тоталитарный советский режим": часть общества сие зелье приняла и три десятилетия живёт с ним, но большинство не откликается должным образом. У большинства "ум с сердцем не в ладу": им говорят — "репрессии", а они — "Победа!". Им говорят — "Мандельштам — Пастернак", а они радостно смотрят "Волгу-Волгу" и "Кубанских казаков". Им говорят об умученной "генетике-кибернетике", а они — "мирный атом — спутник — Гагарин"…

Антисоветизм и антисталинизм — из одного набора медико-политических средств. Слово "сталинизм" наполняют смыслами кто как хочет, словно это "чистая форма" без содержания. Я наполню его своим: сталинизм — это способность России к обретению субъектности и развитию, в условиях смертельно опасных внутренних противоречий, противостояния с внешними противниками и неполноты ресурсов существования государства — политических, идеологических, экономических, технологических, демографических и др. Можно и не называть эту способность "сталинизмом", а обозначить, например, как советский социализм. Но жанр политического полемического эссе предполагает наличие "дразнилок", привлекающих внимание. Возможно, кто-то, пробежав глазами заголовок, представил сталинизм как будущее России. Если иметь в виду вышеприведённое уточнение смысла — я не против.

Вышедшие на мировую панель 15 "братских народов" надеялись, что будут востребованы мировой экономикой или политикой — хотя бы в качестве шавок на кормлении. Справедливости ради надо сказать, что перспектива стать чем-то иным имелась у очень немногих из них. Но ни у кого не возникло иных поползновений: бал правили нажива и мстительность, подкрепляемые "теориями", оправдывающими алчность, нищету, торжество несправедливости, отказ от своей истории и т. д. Бормоча слова про "мировую цивилизацию", принялись строить капитализм. И, надо признать, немало в этом преуспели, явив миру беспрецедентное по скорости и масштабам обогащение активистов процесса, блатных и приблатнённых. Мировая экономика "интегрировала" и их самих, и подведомственные им территории.

"Мировая экономика" и прежде взаимодействовала с Россией — с империей. После революции масштабы взаимодействия снизились. При власти большевиков, уже во второй половине 20-х, линия "на мировую революцию" сменилась концепцией построения социализма в отдельно взятой стране, ставшей основой долгосрочной и, как оказалось, во многом успешной стратегии развития государства. Социализм был построен не только в "отдельно взятой стране", но и расширил своё влияние, создал "мировую систему социализма", судьба которой ныне переживает драматический период. Социализм же — и как концепция, и как практика государственного строительства — не просто выжил, но и демонстрирует возможность создания крупнейшей экономики мира (но теперь уже в другой "отдельно взятой стране" — Китае). А в России — отдельно "взятой", приватизированной и распроданной, решили построить криминально-компрадорский капитализм. И построили! И "интегрировались"!

Но что-то пошло не так…

БРАТСКИЕ СЁСТРЫ

В Советском Союзе (при "сталинизме") формировался образ "семьи народов", каждый из которых метафорически объявлялся "братом" или "сестрой". Образ описывал то, к чему следовало стремиться, это был желанный социальный норматив. В семье были общие "родители" (Советская Родина), общая система ценностей (советская), общие цели (коммунизм), сходные модели поведения (от "пионер — всем ребятам пример", до "морального кодекса строителей коммунизма" и т. п., с учётом этнорелигиозных особенностей). На этой основе, а также в результате победоносной войны, действительно сформировалась "новая общность", политическая нация — советский народ. Жила эта семья по-своему счастливо, но недолго. Распался Советский Союз — распалась и семья. Разорвались не только формальные отношения, но разъединились и те "скрепы" (ценности и цели), которые подпитывали эту общность. Печально, но понимание того, что метафору "братские" можно использовать только в рамках одной семьи — не пришло. Не пришло и понимание того, что метафора — это не более чем метафора: она даёт лишь образную связь. И если братья, даже разделённые во младенчестве, даже воспитанные в разных семьях, странах и т. п., формально остаются братьями, хоть между ними нет ничего общего ни в культурном, ни в каком ином, кроме генетического, отношении, то народы, описываемые как "братские", перестают быть ими, если они не объединены в одну семью. Так и произошло с советской семьёй братских народов — от неё остался только фонтан на ВДНХ.

Братские эмоции могут теперь существовать только по инерции между теми, кто ещё несёт в себе чувство советской общности. Таких людей в первые годы — десятилетия — после распада было много, но постепенно их становится меньше. Формируется новое поколение, воспитанное в иных условиях, на основе других ценностей.

В среде тех, кого "в злокачественных новообразованиях" стали называть "русскоязычными", было и есть немало тех, в ком живёт чувство общности с русским народом и многовековой Россией. Попав в водоворот истории, они ожидали хотя бы дружественных отношений как между "русскоязычными" с декларативной титульной нацией, так и между этими государствами и Россией. От России ожидалась поддержка и защита от притеснений и унижений со стороны "титульных". Однако надежды эти год за годом не оправдывались: те, кто в Москве пришёл к власти, не для того её захватывали. А для другого. Симбиоз воров и взяточников, ставший властью, создавал систему личного обогащения, комфорта и безопасности, "вписался в мировую систему", а "проблемы русскоязычных" вошли в перечень декларативных "как бы забот" и декоративных мероприятий, на которых тоже можно заработать. "Советскость", прежде бывшая стрежнем отношений, уничтожена. Сформировалась уродливая гармония интересов чиновников, олигархов, "малого и среднего бизнеса", криминалитета, вскормленных властью деятелей масскультуры, кино и ТВ. На распаде бывшей "семьи братских народов" кормились все, кто хотел и мог.

Антисоветизм, однако, неконструктивен: на его основе нельзя что-либо создать, на его основе можно только разрушать. Поэтому новой "антисоветской семьи братских народов" не возникнет. Антисоветизм, охвативший "братских сестёр", порождает русофобию и различные формы религиозно-политического и культурного предательства. Антисоветизм не работает и как нечто сближающее Россию с бывшими союзными республиками, хотя он и составляет важную часть политической идеологии всех частей распавшегося СССР. Происходит это как потому, что антисоветизмы эти разные, так и потому, что они призваны служить разным целям.

Антисоветизм и внутри России многолик: либерал-западники ненавидят "совок" не так, как, скажем, монархисты. Либерально-перестроечный антисоветизм нужен был для захвата власти и радикального переустройства общества. Другой, распространившийся в среде патриотов "монархического" толка, несёт в себе заметные элементы реванша (имею в виду Октябрьскую революцию 1917 года) и возмездия. Либерально-перестроечная идеология произвела демонтаж политического устройства ради вполне определённых меркантильных целей: на месте разрушенного социализма построен капитализм, а разрушители стали его бенефициарами. Этот капитализм справедливо считают компрадорским и криминальным, верно и то, что он задуман и создан как часть "мирового капиталистического хозяйства", с соответствующей утратой полноты суверенитета. Бенефициары своё получили, а вот русского либерализма — ни как полноценной идеологии, ни тем более как устойчивой практики "здорового" национального капитализма — ни придумать, ни построить не смогли.

Многие "патриоты-антисоветчики" вполне вписались в сложившийся капитализм, заняв те ступени иерархии, которые им позволили занять. Интеллектуально-политические порывы при этом не затихли: остаётся волнение умов и сердец, охваченных монархо-мистическими идеалами, светлыми образами прошлого и ругательствами в адрес давно почившей безбожной власти "проклятых большевиков". "Патриотический" антисоветизм за три десятилетия не смог выработать конструктивной, созидательной идеи, не создал привлекательного образа будущего, не говоря уж о технологии его обретения. "Работа мысли" в этом сегменте шла и идёт интенсивно, в последнее время она стала оказывать заметное влияние на политику государства: во власти немало "симпатизантов" этим взглядам. В общем, у нас есть "либералы", "консерваторы" и выделивший их из себя русский народ, который пытаются маркировать как "россиян".

Может ли произойти благодатный синтез устремлений всех сегментов общества, синергия "логики намерений" и "логики обстоятельств" (эти понятия — тоже из лексикона "сталинизма")? Или "англосаксы", о которых дружно и упоённо говорят политологи, не дадут?

РАСПУТЬЕ

Не в одних американцах дело: от них было, есть и будет немало пользы (вред — само собой, но есть и польза). Писал, например, О'Генри рассказы, а русский кинорежиссёр Леонид Гайдай поставил хороший фильм по их мотивам. Вспомню фразу из этого источника: "Дело не в дороге, которую мы выбираем, — то, что внутри нас, заставляет нас выбирать дорогу". Так и мы, "россияне": одни из нас выбрали дорогу "на Запад", другие "повелись" на это. Но время шло, что-то внутри "нас-других" стало вызывать дискомфорт. Были также и те, кто "не повёлся", оставались и такие, кто вовсе с этими телодвижениями никак не соотносился. Именуют это явление социально-политическим расколом общества, а его нынешнее состояние — "распутьем".

Мы переживаем период неустойчивости, нестабильности. И это, говоря языком синергетики, не бифуркация, поскольку вариантов перехода в новые устойчивые состояния не два, а несколько. Процессы в экономике и политике, происходящие в последний год, дают надежду, но пока не дают уверенности ни в выборе оптимальной модели будущего, ни в наличии достаточных ресурсов для успешного перехода.

Прагматически оценивая реальное положение дел, надо исходить, опять же, из сталинского: "Других писателей у меня для вас нет". Я имею в виду, что в стране и во власти есть и либерал-западники, и патриоты разных "согласий и несогласий". В сложившихся условиях повесткой дня должна стать не победа одних над другими, а включение всех в общее дело. Общее дело складывается из необходимости решать жизненно важные вопросы в военно-политической, экономической и культурно-исторической сфере.

Поиск образа общего дела, возможно, идёт, но видимая часть политического процесса не позволяет понять, как его представляет себе властная верхушка. В политико-пропагандистской части основное время и место занимает только одна мысль и образ: враги-англосаксы стремятся добить Россию, а мы должны "сплотиться вокруг президента". Можно принять и этот агитационный тезис, но для результативной политической работы нужен другой уровень и понимания, и действий.

ЛИНИЯ ЖИЗНИ РОССИИ

Многое из того, что надо сейчас делать в силу "логики обстоятельств", может и должно найти опору в советском периоде истории.

Изменения в экономической модели — то, чему уделяют первостепенное внимание, то, чем занимается правительство, — заметны. Попытка сочетания плановых и рыночных подходов, соучастие предприятий разных форм собственности, управление процессом на основе рациональных оценок — всё это уже происходит и даёт надежду на то, что и в других сферах начнётся разумный процесс. Но и нареканий по-прежнему немало. Прежде всего — в сфере финансового обращения и чрезмерной зависимости производственной деятельности от торговли, цели которой очевидны и не совпадают с целями "общего дела", а методы, основанные на моделях продвижения товара (реклама), и вовсе противоречат самой сути, базовым представлениям народа о должном и недолжном, но вторгаются при этом в сферу культуры, отравляя её своими образами и эмоциями.

За три последних десятилетия мы осознанно сдвинули баланс "коллективизм — индивидуализм" в пользу последнего. Это изменило общество, принесло свои — в том числе и позитивные — плоды. Пора, однако, снова обратить внимание на этот баланс: ресурс коллективизма — загнанный на дно и оболганный — не просто жив, но по-прежнему составляет суть менталитета большинства населения. К этому ресурсу пора вновь обратиться, вновь его поддержать.

Много говорится о необходимости иметь "государственную идеологию". Ожидается, что такая идеология могла бы сплотить народ, направить его к общим целям, настроить его чувствительность к антиценностям и выработать иммунитет по отношению к вредным воздействиям. Ожидания — благие, надежды — напрасные. Государственной (то есть сформулированной и закреплённой в официальных документах) идеологии не предвидится. Прежде всего потому, что найден иной способ: научились формировать не "государственную", а доминирующую идеологию, влияние которой на общество обеспечивают органы власти и иные действующие лица. Антисоветизм нигде не прописан в качестве как-либо рекомендованной государством идеологии, однако им пропитаны все каналы влияния: общественно-политические форумы, круглые столы, исследовательские гранты, телевидение и радио, кино и книготорговля, изобразительное искусство, слова и поступки "популярных" персон…

Всю эту "гнилуху" надо вывести на периферию общественного сознания: негативное отношение к прошлому не может служить опорой развития государства. При всём критицизме по отношению к "царизму" в советское время, в общественном сознании формировался в целом позитивный образ русской истории, наполненной событиями и именами, гордость за которые воспитывалась в сердце каждого, начиная со школьной скамьи. И это была неплохо сбалансированная палитра, хотя, разумеется, она оставалась идеологизированной. Но главное, что в ней было, — это воспитание любви к своей Родине и гордости за её прошлое. И это тоже — "сталинизм".

Объединяющей сердцевиной сегодня должно стать позитивное отношение к советскому периоду истории. Таков запрос основной массы населения, и этот запрос растёт. В нашем обществе есть и "либералы", относящиеся к СССР как с любовью, так и с прагматичным пониманием тех достоинств и преимуществ, которые были в Советском Союзе. Даже среди "православно-монархически" настроенных граждан есть такие. А уж среди основной массы "россиян", любящих Родину — свою и своих отцов и дедов, — очевидное большинство.

Вехами и именами советского периода истории должны быть не "голодомор — ГУЛАГ — дело врачей" и имена репрессированных, хотя и это тоже должно быть в памяти с объяснением причин и достоверными цифрами. Вехами советской истории должны быть события и имена тех, кто созидал, строил, творил. Причём без поныне действующих обязательных оговорок, что всё творили "вопреки", что всё "запрещали" и т. д. Суть истории в том её изложении, которое сейчас необходимо как спасительный источник живой воды, — в описании постоянного, упорного и результативного поиска справедливости, радости и счастья. Все примеры того, когда это получалось, должны быть на первых местах, а трудности, которые пришлось преодолевать, — на вторых.

В советское время был накоплен свой опыт этого. Сейчас нужен новый, свободный от ошибок тех лет, современный, яркий и действенный образ позитивной истории страны во все времена её существования. Такой подход — главный ресурс, на который нам надо опереться сейчас. Чтобы этот ресурс осознать и включить в работу, вовсе не нужно копировать и внедрять идеологемы, лозунги и приёмы советского прошлого. Такой подход стал бы губительным. Нужно создать новый позитивный образ, выстроенный вокруг главного смыслового стержня линии жизни России во все времена — поиска общества справедливости.

Именно такая интерпретация истории необходима сейчас, в критический период нашего существования. Множественность взглядов на прошлое и версий истории должна существовать в пределах академических штудий. История как набор фактов и хронологических таблиц должна быть там же. Выборка, интерпретация и складывание фактов в нарратив — вот что способно объединить общество, людей с несовпадающими в других вопросах взглядами, в том числе и тех, кто причастен к карикатурным (в идеологическом измерении) политическим партиям, сидящим в Думе. В качестве примера такой выборки сошлюсь на "Мой календарь", публиковавшийся в газете "Завтра" в течение двух лет и продолжающий существовать и обновляться в социальных сетях. В нём собраны позитивные, созидательные события и персоны русской истории во все времена, в том числе и в советский период. Аналога этому пока нет, работу надо бы продолжать, углублять и возводить на иной уровень влияния на общество и его политическую жизнь.

История может быть инструментом разрушения, но может стать и инструментом созидания! Нарратив истории советского периода должен вызывать эмоции восхищения и гордости! Негативному мышлению — ужастикам борцов со "свинцовыми мерзостями русской жизни", отмечающих "плохое" в каждом событии и явлении, место на периферии, а не в центре общественного сознания. Негативное мышление — явление в психологии известное. Как явление персональное — портит настроение себе и другим, как социально-политическое — приносит большой вред: каждое событие истории, имя каждого творца советского времени используются как повод вспомнить про "труд заключённых", репрессированных, "отставание от Запада" и т. п. Оправдательная формула "чтобы это не повторилось", к сожалению, не работает, в чём мы убедились: чтобы фашизм не возродился, надо не только поминальные свечи возжигать и фильмы снимать. Идеолого-политическая работа — хирургия, а не лечение заговорами и прикладыванием амулетов.

УСТОЙЧИВОСТЬ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Многополярный мир может быть устойчив, если он формируется вокруг двух доминирующих полюсов силы, каждый из которых наделён качествами военной, экономической и идеолого-политической мощи. Остальные "полюса" меньшей значимости входят в орбиты основных. Россия в этом мире сможет обрести устойчивость, выдвинув полноценную модель развития, альтернативную доминирующей западной.

Противостояние России и Запада — факт. Ему ищут какое-то новое измерение и обоснование. Кому-то очень не хочется ассоциировать Россию в международном контексте — с СССР, а формирующуюся новую структуру мира — с "двумя системами": социализма и капитализма. Не хочется — не ассоциируйте, но избежать необходимости создания именно системы, причём системы альтернативной западной, — не удастся. Придумать содержательную альтернативу западному капитализму, но не называть его социализмом — пытаются. Ищут "немарксистские" отличительные признаки: цивилизации, макрорегионы и пр. Предлагают эвфемизмы типа "незападный путь развития". Процесс поиска "правильных имён" идёт, и лучше пока так, чем неоправданные надежды на "вхождение в мировое сообщество". Лучше иметь не слишком удачное название, но хорошую, здоровую суть, чем не иметь ни того ни другого. А здоровая суть состоит в том числе в обретении субъектности на основе собственной силы — военной, политической, идеологической и культурной. Этими качествами обладал и "сталинизм". У него, однако, не было очень важного свойства — иммунитета, способности побеждать собственные болезни, сохраняя жизнь и движение к развитию.

Это нам предстоит обрести — "иначе нас сметут".

Сергей БЕЛКИН

Новый номер (5 (113)) журнала "Изборский клуб" посвящён вопросам демографии.

Открывает журнал материал Александра Проханова "Плаха во чреве".

В экспертном докладе "Путь в Россию — страну семей" авторы Михаил Смирнов, Юрий Крупнов, Инга Юмашева раскрывают концептуальные подходы к становлению института семьи как субъекта развития общества, обосновывая с разных точек зрения (социально-экономической, юридической, политической) выдвинутую инициативу "Россия — страна семей".

Издание освещает такие темы, как "Эпидемия психогенного бесплодия как угроза национальной безопасности" (автор Игорь Гундаров), "Размышления о демографии России" (Георгий Малинецкий), "Пространство для русского миллиарда" (Юрий Крупнов), "Демография как инструмент геноцида" (Евгений Варшавский), "России нужна стратегия демографической безопасности" (Инга Юмашева), "Разорванная связь поколений" (Владимир Тимаков), "Общественный активизм и семейная политика" (Надежда Куликова), "Семья в России и на Западе: два непохожих кризиса" (Александр Рублёв), "Размышление о народе на фоне СВО" (Римма Соколова).

Михаил Ермолаев ("Воплощение Святой Руси") пишет: "Современное общество признаёт все мыслимые и немыслимые пороки один за другим, старательно подбирает обоснование для каждого из них. Разбушевавшиеся пороки тянут западного человека в пропасть, в которой не за что зацепиться, из которой уже не выбраться. Цель Запада — не забота об "униженных и оскорблённых", а именно пропаганда определённого образа жизни. Не борьба за права меньшинств, а увеличение их численности. Толерантно защищая некоторых, общество делает беззащитными всех. Прославляя нетипичное, Запад не оставил миру нормы, превратился в огромную разрушительную силу, своего рода антирелигию".

Рубрика "Библиотекарь" представляет книги Александра Дугина "Антикапитализм справа", Михаила Ермолаева "Страсти Запада и мы", Бориса Акимова и Олега Степанова "Китайское чудо. Корни и плоды", Андрея Фурсова "Наше "время Босха", Сергея Черняховского "Наследование будущего в политико-культурном пространстве России", Хауке Ритца "Борьба за Европу. Есть ли будущее у европейской культуры?"

"Стихия" представляет творчество Надежды Кондаковой.

Справки по телефону 8 985 256 91 24